Недавно репортерская судьба привела меня в Пермь. В город, хореографическое училище которого вырастило, воспитало и дало путевку в большой балет чебоксарской девчушке Наде Павловой, в город, на сцене театра оперы и балета которого уже год танцевала победительница Всесоюзного конкурса молодых артистов балета (1972 год) и Второго Международного конкурса артистов балета в Москве (1973 год) Надежда Павлова.

НАДЕЖДА ПАВЛОВА: Я ТАК МАЛО СТАНЦЕВАЛА

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

В ТЕАТРЕ шел «Дон-Кихот» Л. Минкуса. В тот вечер Китри танцевала Ольга Ченчикова — вторая юная звезда пермского балета. Танцевала и Регина Кузьмичева — еще одна наша землячка и еще одна надежда пермской балетной школы. Потом, спустя несколько дней, один пермский коллега сказал: «Золотой выпуск» дало наше училище в прошлом году: Надежда Павлова, Ольга Ченчикова, Регина Кузьмичева, Ольга Лукина... Такого еще не было и когда еще будет!»

Закончился спектакль. Выходят из театра, оживленно обсуждая «Дон-Кихота», Надежда Павлова, Ольга Ченчикова, Регина Кузьмичева, Ольга Лукина — четыре неразлучные подружки. Подхожу, представляюсь, передаю приветы от родных, прошу Надю уделить мне несколько минут.

— Боже, опять! Да что же я вам такого скажу! Все давно известно, — извиняющимся тоном говорит Надя.

И тут, как нарочно, стали стекаться театралы, подают сегодняшние программки: «Надя, пожалуйста, автограф». Надя взяла несколько программок, сильно смущаясь, расписалась на них, потом, спохватившись, застенчиво извинилась: «Право же, не мне давать автографы». Публика ее, свою Надю, поняла. Люди пожелали ей успехов, здоровья, счастья, всего, чего желают своим кумирам, и мы остались одни.

— Знаете, тут мы не поговорим. Если вы согласны, давайте по дороге отвечу на ваши вопросы, — предлагает Надя. До улицы Пушкина, где она живет, с полчаса ходьбы, времени достаточно. Вот запись нашей беседы.

— Как вас встретили в театре после училища?

— Очень хорошо приняли. Можно сказать, я, да и все мы, выпускники прошлого года, пришли словно в родной коллектив. Ведь здесь все нам было знакомо. Все годы учебы в училище мы танцевали на сцене театра, знали многие спектакли. И как-то свободно влились в труппу. Да и влились ли? Мы же тут как свои были! Долго вживаться не пришлось.

— Но одно дело — танцуют ученицы, другое — выпускницы, балерины. Требования-то уже другие.

— Конечно. Но опять-таки потому, что мы как в родной коллектив пришли, потому что нас тут хорошо знали, мы недолго чувствовали себя новичками. Разумеется, в театре стали смотреть на нас как уже на настоящих балерин. А это значит, что нам и доверяли, и требования повыше и пожестче предъявляли. Без всяких скидок. И это хорошо.

— А вот к вам, победительнице двух крупнейших конкурсов?

— Во-первых, никаких поблажек! И это правильно. Театру нужны не лауреаты-белоручки, а работающие балерины. А, во-вторых, все на конкурсах получилось как-то неожиданно. Могла победить и другая балерина.

— Но победили все же вы.

— Случайно!

Случайно? После Всесоюзного конкурса народный артист Союза ССР Константин Сергеев писал: «Первая премия и звание лауреата присуждены шестнадцатилетней ученице шестого класса Пермского хореографического училища Надежде Павловой. В этой победе нет ничего случайного. Во всех трех турах у Павловой было наибольшее количество баллов. Эта «маленькая» балерина буквально очаровала и членов жюри и зрителей, наполнявших ежедневно Зал имени П. И. Чайковского. Она уже в совершенстве владеет сложной техникой классического танца. Ее высокие, грациозные прыжки вызывали восхищение зрителей. В выразительных, отточенных движениях — гармония «ума и сердца». Павлова танцует законченно по форме, одухотворенно».

Через год с небольшим народный артист РСФСР Асаф Мессерер на вопрос, кто из участников Второго Международного конкурса произвел наиболее яркое впечатление, скажет: «Конечно, Надя Павлова! Это — явление. У нее редкостная координация движений, прекрасные линии, вращение и прыжок, то есть она обладает совершенно уникальным гармоничным сочетанием всех природных данных. А кроме того, перед нами очень музыкальная девочка. Она слышит музыку чутко и передает ее непосредственно — это особенно ощущалось в «Щелкунчике» и в «Тщетной предосторожности».

А председатель жюри конкурса Юрий Григорович заметит: «Тонкий вкус, прирожденная грация, естественное ощущение себя в танце — вот что такое эта балерина. Ее успех — это не торжество трюка, виртуозной техники, хотя она заботливо и требовательно вышколена... Опьяняющий восторг, наслаждение танцем — в этих качествах, отпущенных немногим, секрет редкого сценического обаяния Нади Павловой».

Очень хотелось напомнить Наде эти высказывания о ней выдающихся мастеров советской хореографии. Но, памятуя о том, что она не любит похвал, не стал говорить, удержался.

— Случайно, — повторяет Надя. — И притом, во всех моих победах заслуга моих педагогов по училищу и особенно Людмилы Павловны Сахаровой. Это так, потому что сейчас говорят не только о моем успехе, но и об успехе школы педагога Сахаровой. На всю жизнь останусь благодарной Людмиле Павловне. Если бы не она... — Надя не закончила фразу, но, думается, понятно, что она хотела сказать.

— Иногда наш брат, журналист, нет-нет, да и проведет аналогию: Анна Павлова — Надежда Павлова. Как вы относитесь к этому сравнению?

— Вот за это и не люблю вас, журналистов. Ну, что за сравнение! Анна Павлова всей своей жизнью на сцене доказала, что она — Анна Павлова, что она — величина в балете. А что я? Мне все это надо доказывать, а кто знает, что меня ждет впереди. Я так мало еще станцевала. Поэтому не надо сравнений с великой, несравненной Анной Павловой.

— В каких новых для себя спектаклях вы танцевали в этом году в театре?

— В «Дон-Кихоте» Л. Минкуса танцевала партию Китри, а в «Ромео и Джульетте» С. Прокофьева — Джульетту. До них, еще в училище, были партии Сванильды в «Коппелии» Л. Делиба и Жизели в балете А. Адана «Жизель».

— Удовлетворены ли вы своей работой?

— Довольна не всем, — ответила Надя коротко. Затем, немного помолчав, добавила: — Но каждая партия дорога по-своему. Пожалуй, все-таки самая «моя» — это Джульетта. Это очень сложный спектакль, в котором все время можно что-то пробовать. Этим постоянным поиском «горят» буквально все артисты, занятые в спектакле. Все это создает атмосферу творчества.

— Значит ли это, что больше всего вы любите музыку Сергея Прокофьева? Кто ваш любимый композитор?

— Мне пока трудно говорить об этом. Чаще всего до сих пор я танцевала на музыку П. И. Чайковского. С музыкой этого композитора знакома больше, она мне по душе. Но ответить однозначно, кого из композиторов больше люблю, сейчас затрудняюсь.

— А самый лучший партнер?

— На сцене Пермского театра мне нравится работать с заслуженным артистом РСФСР Кириллом Шморгонером. Он не только прекрасный танцовщик, но и хороший товарищ, внимательный партнер. Я бы даже сказала, друг и товарищ. У него я многому научилась. И всегда буду вспоминать о Кирилле с благодарностью.

— Вы нередко танцуете в концертных программах. Что вам больше по душе — танцевать в спектакле или в концерте?

— Конечно, в спектакле! В спектакле есть развитие образа, есть жизнь героини, чью партию исполняешь. В концерте этого нет, поэтому в концерте танцую с неохотой. В один вечер танцевать Жизель, Китри и Джульетту. Это же разные характеры! И не всегда в концерте удается эти характеры, образы столь непохожих героинь передать зрителю. Правда, в концерте можно эффектно исполнить партию, и зритель останется доволен. Но это ли главное?

Мы подошли к дому.

— Вы меня простите. У нас с девочками сегодня один важный разговор, неудобно задерживаться и отсутствовать. Возможно, в другой раз увидимся. — Надя, смущаясь, извиняется. Я знал об ее обязательности, верности слову, умении держать слово...

Вновь для беседы мы смогли встретиться только через четыре дня. А до этого в театре был вечер балета. Надя танцевала в одноактном балете Бела Бартока «Чудесный Мандарин». Это, сказалось, был ее последний новый спектакль на сцене Пермского театра оперы и балета. С нового сезона лауреат Всесоюзного и Международного конкурсов Надежда Павлова будет танцевать на главной сцене страны. Она зачислена в труппу Большого театра Союза ССР.

Но об этом я узнал уже потом, от пермских коллег. А в тот вечер в театре, как всегда, был аншлаг. Как всегда, Надя танцевала легко, с упоением. Зрительный зал щедро одаривал ее аплодисментами, цветами.

Понятно, при встрече я спросил Надю о Большом театре.

— Я не хотела бы говорить об этом сейчас. Рано еще, — ответила она. И больше ни слова о Москве не удалось вызнать.

— Не тяжело будет расставаться с Пермью?

— Конечно, тяжело. Здесь я выросла, тут меня многому научили. Столько чудных людей здесь! Педагоги, подруги, товарищи по работе.

— Ваше любимое место в Перми!

— Театр! И все, что связано с ним. Думаю, не раз еще выступлю на его сцене.

— А в Чебоксарах? Мы, ваши земляки, пока видим вас только по телевидению.

— Думаю, что и на сцене Чувашского театра не раз буду танцевать. Но назвать конкретно время сейчас не могу.

— Вы снимаетесь в главной роли в совместном советско-американском фильме «Синяя Птица». Чем привлек кинематограф? Как вы успеваете и в театре танцевать, и в фильме сниматься?

— Чем привлек — не знаю. Пригласили, я и согласилась, может, по неопытности. А как успеваю? Время всегда можно найти. А вообще-то, трудно и здесь, и там.

— Поделитесь планами на лето.

— В июле наш театр будет гастролировать в Иваново. В августе — в Симферополе. На гастроли еду с театром. В сентябре — отпуск.

Прощаемся с Надей. Ей надо спешить на репетицию, вечером спектакль «Лебединое озеро», который уже не смогу увидеть.

Н. ПЕЙКОВ.
Спец. корр. «Советской Чувашии».
Пермь—Чебоксары.